

ПРОБЛЕМЫ «ЭТНИЧНОСТИ» НОСИТЕЛЕЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР КОЧЕВНИКОВ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ В ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА И РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

С.А. Васютин

Цель статьи — определить применимость к археологическим культурам кочевников Внутренней Азии периода раннего железного века и раннего средневековья понятия «этнос» и «этничность», выявить на основе обобщения данных археологии, физической антропологии и палеогенетики, а также письменных источников этнический состав кочевых социумов. В качестве примеров рассматриваются пазырыкская и тагарская археологические культуры, а также археологические материалы империи Хунну и тюркских каганатов. Автор разделяет критический подход к концепции тождества археологической культуры и этноса, преобладавшей в археологической науке в XIX — середине XX в. Анализ литературы по данному вопросу позволил выявить альтернативные мнения исследователей, которые убедительно показали наличие мультиэтничности и разных языков в кочевых обществах VIII в. до н.э. — начала II тыс. н.э. Особенно наглядным является пример империи Хунну, детально проработанный Н.Н. Крадиным. Обобщая данные археологии и палеогенетических исследований, он смог показать сложный и динамичный характер этнического состава державы Хунну. В статье данный подход был применён к ряду имперских и более локальных кочевых археологических культур. Это позволило продемонстрировать, что, например, у «пазырыкцев» близость материальной культуры и обрядовых традиций не означала единой этничности. Население пазырыкской археологической культуры не только состояло из этнических групп разного происхождения, но и включало европеоидов, монголоидов и метисов. В этническом отношении тюркские каганаты стали показательными примерами научного конструирования. Слово «тюрк» фактически было политонимом, поскольку в состав тюркских держав входили десятки племенных и надплеменных образований кочевников и оседлые жители,

Васютин Сергей Александрович, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Кемеровского государственного университета, Кемерово, Россия.

Vasyutin Sergey Aleksandrovich, Professor, Dr., Associate Professor, Head of the Department of World History and International Relations of the Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

E-mail: vasutin2012@list.ru

политически мобилизованные тюрками для создания и существования империи. Динамичная история каганатов вела к смене конфигурации имперского союза, мутации этнической идентичности тюркских элит и разных подчинённых им объединений.

Ключевые слова: Внутренняя Азия, ранний железный век, раннее средневековье, кочевники, археологическая культура, этничность.

ВВЕДЕНИЕ

Тема этничности в отношении археологических культур (далее — АК) уже на протяжении нескольких десятилетий обсуждается среди специалистов (Каменецкий 1970; Härke 1998; Brather 2000; Петрухин, Раевский 2004: 22—24; Крадин 2009, 2021; Яблонский 2013; Шнирельман 2013; и мн. др.). Ряд исследователей выражают сомнение в классической тождественности АК и создавших их этносов. К основным аргументам можно отнести:

1. «Археологическая культура — это аналитическая категория, предназначенная для описания типологически близких между собой групп памятников», т.е. продукт мышления исследователя (Крадин 2009: 10). В таком случае и этническая общность, связанная с АК, также становится интеллектуальным конструктом археолога.
2. «Неодушевлённые „археологические культуры“ никак не могут образовывать общности, как их не могут образовывать даже совершенно однотипные горшки или мечи» (Яблонский 2013: 36). АК нередко возникали в результате миграции групп населения со сложным этнокультурным составом как самих мигрантов, так и обитателей осваиваемых территорий. Общность материальной культуры отнюдь не означала этнического единства. В территориально масштабных АК существовали этнические иерархии, территориальные этнические особенности (локальные варианты), рассредоточенность разных групп по схеме «центр — периферия».
3. Нередко в АК раннего железного века и раннего средневековья видят непосредственных предков современных народов, не учитывая сложных этнических, социальных и культурных изменений, происходивших на протяжении тысячелетий. В таком случае исследователь выстраивает связь современного населения с АК саков, хунну, тюрков и т.д., зачастую перенося этнографические черты быта, хозяйства, права, управления на конструируемые и научно модернизирруемые «археологические общности» далёкого прошлого.

4. Опосредованное отражение в материальной культуре политических, социальных и этнических процессов (Brather 2000: 167—168). Поэтому попытки выявить этнические компоненты в материалах археологических культур должны опираться на обоснованные методики фиксации этнической идентичности (определение культурных маркеров, стилей, символов, гендерных особенностей и пр.) (Крадин 2009: 15—16, 18; 2021: 379, 384).
5. Установка археологов на открытие новых культур и их ассоциацию с известными по письменным источникам этническими группами (Крадин 2009: 12, 17; 2021: 375, 383—384).
6. Проблемность употребления такого понятия, как «этничность», для «первобытности, античности или раннего средневековья». В современности «этническая группа определяется прежде всего языком и культурой (в отдельных случаях религией)». Они выступают как «этнические маркеры». В «традиционных обществах самоидентификация людей опиралась, прежде всего, на социальные семейно-клановые и общинные связи, имевшие лишь опосредованное отношение к языку и культуре, как они сегодня понимаются» (Шнирельман 2013: 61).
7. Описания в древних и средневековых источниках различных общностей как определённых «народов» также являются конструктами «монолитных этнических образований», в то время как в реальности они выступали в роли мультиэтнических политических образований (Крадин 2021: 383—384).

В свете указанных подходов и мнений можно сформулировать цель данной статьи как попытку верификации «этничности» археологических культур номадов Внутренней Азии с IX в. до н.э. до начала II тыс. н.э. и также возможности употребления к этим АК понятий «этнос» и «этническая идентичность». Важную роль в реализации цели играют данные палеогенетических исследований. Анализ этничности в АК кочевников указанного региона будет осуществляться с привлечением в отдельных случаях сведений из письменных источников.

«ПОЛИТОНИМ» ВМЕСТО ЭТНОНИМА

Размышляя об «этничности» в археологических культурах кочевников Внутренней Азии, Н.Н. Крадин в отношении кочевой империи Хунну предложил пользоваться понятием «политоним», а не «этноним» (Крадин 2021: 383). Несмотря на схожесть набора артефактов (наконечники стрел, керамика, пластины с геометрическими узорами и др.) на значительной части данной державы (при этом

необходимо учитывать недостаточную исследованность рядовых погребений), этническая идентичность была разная:

- происхождение хунну имеет свои корни в энеолите и бронзовом веке, хотя непосредственно разные хуннские кланы и племена связаны с культурами плиточных могил и «ордоских бронз»;
- хунну представляли собой конгломерат различных кочевых племён (лоуфань, бойянь, пулей и др.) во главе с шаньюями из рода Люаньди (Луаньти, Сюйляньти) и с тремя привилегированными кланами — брачными партнёрами хуннских правителей — Хуянь, Сюйбу, Лань (возможно, это связано с выявленными тремя зонами концентрации памятников хунну в Бурятии, Центральном и Архангайском аймаке);
- позднее в ходе раскола хунну на северных и южных в структуре власти южных хунну происходит возвышение рода Цюлинь до уровня брачного партнёра правящего клана, что отражает динамику этнокультурных трансформаций и социальных изменений в хуннском обществе;
- по данным физической антропологии, хунну Западной и Центральной Монголии близки к культурам тюркского круга, а хунну из Восточной Монголии имеют много сходства с хунну Забайкалья и сяньюби.

Также в степях Внутренней Азии находились:

- китайское население: беженцы империи Цинь, захваченные в ходе набегов хунну жители Хань, военнопленные, перебежчики, иммигранты (например, присутствие ханьцев в составе населения Иволгинского городища);
- различные ираноязычные группы, которых китайские хронисты обозначали термином «юэчжи»;
- население восточной части Внутренней Азии и Южной Сибири, оказавшееся в подчинении хунну;
- выходцы из государств, отдельных городов и степных политий Казахстана и Центральной Азии (в современном понимании термина).

Кроме того, этнические различия находят отражение в разной погребальной обрядности населения империи Хунну. Б. Миллер выделил три типа могил: 1) небольшие каменные ящики со скорченными костяками в северо-западном регионе (например, могильник Терезин); 2) глубокие ямы, на дне которых располагались гробы с погребёнными, лежавшими вытянуто на спине, в Центральной Монголии и Забайкалье; 3) на юге, ближе к границе с Хань, располагались захоронения, характерные для некрополя Даодуньцзы — «простые ямы с приступками для размещения подношений животных и сосудов и боковыми нишами для покойников» (Миллер 2019: 86—88).

Только к I в. н.э. с усилением межрегиональной власти хунну и возросшим влиянием их культуры на зависимые племена произошла унификация погребальной обрядности — насыпи курганов стали окружать кольцевыми каменными кладками, захоронения совершались в деревянных (реже в каменных) гробах, вытянуто на спине головой на север. Одновременно с этим появляются знаменитые элитные террасные захоронения, в которых объединялись традиции хуннских и китайских погребальных практик.

И, наконец, данные палеогенетических исследований. В целом наиболее заметными были различия в генетическом составе населения империи Хунну на западе и востоке. На востоке формирование хунны происходило на основе восточноазиатских популяций. Установлено присутствие в степи китайцев. В Западной Монголии был выявлен значительный пласт западноевразийского происхождения, который разные исследователи связывали с усунями, Кангюем, носителями чандманьской культуры, близкой к уюкской культуре Тувы, а также генетически восходит к АК Улаанзуух бронзового века на западе Монголии. Генетики зафиксировали, что к I в. н.э. состав населения империи стал ещё более разнообразен. На западе его дополнили выходцы из сарматов, а среди погребённых в элитных курганах могильника Дурлиг нарс был найден европеоид с Апеннинского полуострова. Таким образом, кочевая империя Хунну была полиэтничной и многоязычной (Крадин 2020: 9, 14—16, 83—88, 137; 2021: 381—383; 2022: 5; 2024: 38; Jeong et al. 2020: 896—897).

ОБ ЭТНИЧНОСТИ «ПАЗЫРЫКЦЕВ» И «ТАГАРЦЕВ»

Пазырыкская культура возникла во второй половине VI в. до н.э. в результате прихода на Алтай нового населения. Наиболее вероятное влияние оказало создание в 550 г. до н.э. Ахеменидской державы, внешняя политика которой вызвала многочисленные миграции кочевников. В результате население Алтая оказалось в подчинении одной из групп саков (Тишкин 2007: 150). С этими событиями связано постепенное распространение на Алтае «пазырыкского» канона погребального обряда. Однако на территории алтайских гор осуществлялись погребения, которые условно можно отнести к «кара-кобинскому» типу с захоронениями в каменных ящиках (см. дискуссию: (Тишкин 2007: 140—147)). По словам А.А. Тишкина, это не единственное свидетельство «полиэтничности» пазырыкской культуры, в составе которой антропологи выявили наличие «разных этнических групп», проживавших в отдельных районах, а также их смешение. Консолидирующей силой был сакский «этнос-элита» (Тишкин 2007: 104, 137, 146, 150).

С.С. Тур и М.П. Рыкун на основании изучения черепов из могильников Кызыл-Джар I—V, VIII выделили две группы: «чисто» европеоидную и «метисную», с «условной долей монголоидного компонента... 53,4%». Европеоидные признаки связывают черепа Кызыл-Джара с краниологической серией из могильника поздне-бронзового времени Ранний Тулхар Южного Таджикистана и некрополей Аймырлыг XIII, XXVII в Тыве окуневского времени. Кроме того, в составе черепов европеоидной группы «пазырыкцев» выделяются ещё две подгруппы: 1) небольшая серия мужских черепов из могильников Центрального Алтая (Кара-Тенеш, Бике, Купчечень, Балык-Соок), в отношении которых обнаружена связь с протоевропеоидной краниологической серией афанасьевской культуры Горного Алтая; 2) мужские черепа из могильников Уландрыка, Юстыда, Чуи, Укока, резко отличающиеся от вышеуказанных групп из-за более высокого удельного веса монголоидной примеси (Тур, Рыкун 2004: 34—35, 37—41).

Источниками монголоидности вступали два компонента: 1) «современные представители объ-иртышского варианта западносибирской (уральской) расы — селькупы, чулымцы, томские, барабинские и тоболо-иртышские татары» («подобный краниотип существовал на территории Горного Алтая с эпохи неолита-энеолита»); 2) палеосибирский тип, распространённый в Восточной Сибири и Монголии. Сходство с черепами современных представителей объ-иртышского варианта западносибирской расы фиксируется в мужских краниологических сериях с монголоидной «примесью» могильников Верхняя Еланда II и Тыткескень I, VI, отнесённых «к особому варианту пазырыкской культуры», погребениях кара-кобинского типа и пазырыкских некрополях долин Юстыда и Уландрыка. «Примесь» палеосибирского типа выявлена «в составе мужских краниологических серий „царских“ курганов Пазырыка, Туэжты, Шибе, могильников Укока, долин Бугузуна и Барбургазы» (Тур, Рыкун 2004: 34—39).

Согласно мнению С.С. Тур и М.П. Рыкуна, в могильниках Кызыл-Джар III—V у женщин часто «встречаются инокультурные особенности», отражающие брачные связи «пазырыкцев» с населением Тянь-Шаня, Тывы и Монголии (Тур, Рыкун 2004: 41—43).

Значительный вклад в изучение расово-этнического состава «пазырыкцев» внесла коллективная монография «Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики)». Комплексный подход позволил выявить ряд важных генетических связей и охарактеризовать генезис пазырыкской культуры. Одним из выводов авторов книги стало утверждение, что в конце VI — середине IV в. до н.э. контакты

её носителей с восточноазиатскими монголоидными группами были ограниченными. Они сводились к бракам и политическому взаимодействию «пазырыкских» и монголоидных элит (Молодин и др. 2003: 82—83, 115—116).

Краниологические материалы европеоидного типа из пазырыкских могильников Укока, Юстыда, Уландрыка, долины р. Барбугазы и др. свидетельствуют о взаимодействии со второй половины II тыс. до н.э. племён Южного Алтая со скотоводческим населением северных районов Передней Азии и юго-запада Центральной Азии (в современном понимании данного термина). При этом отрицалось участие «афанасьевцев» Горного Алтая в «расогенезе ранних кочевников» Алтая. В эпоху раннего железа, в отличие от Передней и Центральной Азии, краниологический европеоидный тип на территории Горного Алтая практически не подвергся трансформации из-за определённой изолированности «пазырыкского» населения от других кочевых групп скотоводов степного пояса (Молодин и др. 2003: 98—100).

Смешанный (промежуточный) европеоидно-монголоидный тип «имел глубокие генетические корни на Алтае с периода энеолита, включая каракольскую культуру второй половины II тыс. до н.э., и представлял „автохтонную“ популяцию» (Молодин и др. 2003: 100). Данный «автохтонный компонент» имел генетические связи с «мощным пластом окуневского круга» и представлял собой «антропологический пласт», обусловивший «морфологическое сходство „пазырыкского“ населения Южной Сибири» с рядом племенных объединений саков и сако-усуньских общностей. Монголоидный компонент был унаследован от «потомков неолитического населения Прибайкалья» (Молодин и др. 2003: 115—116).

По результатам межгруппового статистического анализа было выявлено, что «по комплексу антропологических особенностей „пазырыкцы“ близки к предшествующему им на Алтае так называемому раннескифскому населению и тяготеют к сакским и усуньским племенам Джунгарского Алатау и Тянь-Шаня». Памятники каракобинского типа связаны с племенами лесостепного междуречья Оби и Иртыша (Молодин и др. 2003: 116).

Дендрограмма мужского населения, построенная для эпохи железа, показала большое разнообразие связей «пазырыкцев»: краниологические серии усуней из Семиречья, саков и усуней из могильников в Синьцзяне, некрополей Восточного Казахстана, сарматов Волго-Донского междуречья I в. н.э. Часть каракобинской серии продемонстрировала тесные связи с сериями большереченской культуры Верхнего Приобья и сборной серии из восточно-казахстанских погребений усуней. Женская дендрограмма показывает стабильные связи с усунями Семиречья и саками могильника Алагоу. Также в женском

кластере фиксируется взаимодействие кара-кобинской и раннескифской (из захоронений конца IX / VIII — начала VI в. до н.э.) серий Горного Алтая. Таким образом, совокупность связей в женском кластере по расстоянию между ними намного меньше, чем в мужском (Молодин и др. 2003: 112—113, 115—116, рис. 98, 99).

На основании молекулярно-генетических данных авторы монографии выдвинули гипотезу о вхождении в состав «пазырыкского» населения «самодийского» компонента. Эта концепция согласуется с широкой представленностью среди современного самодийского населения севера Западной Сибири (северные селькупы, кеты) всех трёх пазырыкских гаплотипов. Митохондриальный генофонд самодийцев по структуре наиболее близок к обнаруженному набору вариантов мтДНК «пазырыкцев». «Самодийский» компонент в составе кара-кобинской популяции был представлен монголоидной автохтонной частью, генетически связанной с каракольской культурой эпохи бронзы. Монголоидный компонент «лежит в основе и пазырыкской популяции», что рассматривалось как свидетельство «генетического родства» рассматриваемых культур. В рамках этнокультурогенеза пазырыкской АК на завершающем этапе существования каракольской культуры носители последней (самодийский компонент) вступили в тесные контакты с мигрировавшими из Казахстана представителями бегазы-дандыбаевской культуры, базировавшейся на андроновском (иранском) компоненте. В результате «монолитный самодийский блок» раскололся на автохтонную часть («кара-кобинскую» АК) и ирано-самодийскую (пазырыкскую АК) (Молодин и др. 2003: 138—141, 149—150, 152—157, 162, 167).

Обоснование концепции смешанного состава пазырыкской АК (автохтонное население Алтая, ираноязычные группы из Средней и Передней Азии и отдельные представители монголоязычных народов Восточной Сибири) было дополнено результатами новых исследований пазырыкских захоронений (Полосьмак и др. 2020: 114—117, 120—122, 125, 127).

В статье «Родословная, демография и потомки кочевников железного века евразийской степи» показаны более разнообразные этногенетические связи «пазырыкцев». В частности, отмечены связи «пазырыкского» населения с населением окуневской и карасукской культур, а в более раннее время — с андроновской культурой. К II тыс. до н.э. были отнесены контакты с самодийскими группами (в выборке представлены нганасаны) и процесс генетического смешения между западными и восточными евразийскими популяциями. В период РЖВ прослежены генетические связи «пазырыкского» населения с сакскими группами и восточно-европейскими племенами скифов (Unterländer et al. 2017).

В тагарской культуре также фиксируется смешанный комплекс, включающий автохтонный восточно-евразийский и пришлый иранский компоненты. Последний считается преобладающим, особенно на подгорновском этапе (VI—V вв. до н.э.). Важно отметить и высокий уровень земледелия, привнесённого ираноязычными группами (Молодин и др. 2003: 155—156; Черданцев и др. 2021: 726). Но в рамках следующего сарагашенского этапа (IV—III вв. до н.э.) доля автохтонного населения вырастает (Черданцев и др. 2021: 726). Предположительно это связано с освоением «тагарцами» новых территорий на севере и северо-западе. Одним из направлений их колонизации стала мариинско-ачинская лесостепь. На тесинском этапе (II в. до н.э. — I в. н.э.) в ареале тагарской культуры появляются группы населения (европеоиды с монголоидной примесью), вероятнее всего, вытесненные из своего места обитания хунну.

Автохтонный компонент в тагарской культуре генетически восходит к окуневской культуре и рядом специалистов рассматривается как самодийская популяция. Происхождение иранского компонента «тагарского» населения связывается с миграцией в начале II тыс. до н.э. в Минусинскую котловину носителей андроновской (фёдоровской) АК. При этом в раннем железном веке иранский компонент пополнялся выходцами из Северного Причерноморья, Казахстана, Центральной Азии. Причём генетическое расстояние «тагарцев» до скифов Северного Причерноморья меньше, чем до географически более близких носителей пазырыкской и алды-бельской культур (Молодин и др. 2003: 162—163).

Данные физической антропологии и палеогенетических исследований демонстрируют сложные процессы формирования АК кочевников на северо-западе Внутренней Азии в период раннего железного века и многокомпонентность состава их населения. На наш взгляд, использование в отношении «пазырыкцев» этнических характеристик не всегда оправданно. Несмотря на общие стандарты материальной культуры и погребальной обрядности, что даёт основание предполагать наличие схожих черт и в религиозно-духовной сфере, говорить о «пазырыкском» населении как об этносе или этнической группе было бы неверно. Дело не только в смешанном европеоидно-монголоидном составе и наличии выходцев из разных регионов евразийских степей. Пазырыкские племенные группы и отдельные кланы, расселившиеся на территории Горного Алтая, его отрогов в Восточном Казахстане, в предгорьях современного Алтайского края, в монгольском Алтае, могли выступать более или менее сплочённо во время военных мобилизаций. В этом смысле их ситуационная (возникавшая в походах) идентичность скорее носила военно-политический характер, а элиты

«пазырыкцев» связывало не общее этническое происхождение, а управленческая деятельность и организация походов.

Этнические связи фиксируются на низовом уровне «пазырыкского» общества — в кланах и линиджах, где этничность строилась на родственной основе и имела преемственность в нескольких поколениях. Косвенно об этом свидетельствуют цепочки пазырыкских курганов, расположенные в разных долинах алтайских гор. Они неоднократно рассматривались как погребения двух-трёх поколений одного рода или семьи, в зависимости от количества насыпей.

Относительно автохтонного компонента информации недостаточно, но, учитывая длительность его существования и обилие смешанных браков, степень метисации, рассредоточенное расположение могильников кара-кобинского типа, вызывает сомнение оценка автохтонных групп как некоего «единого этноса». В итоге мы можем говорить о том, что «полиэтничность» «пазырыкцев» и «тагарцев» находит отражение на нижнем уровне племенных иерархий (линидж, род), поэтому не может быть всеобъемлющей оценкой рассматриваемых социокультурных объединений. В этом случае допустимо более общее и нейтральное определение «многокомпонентной общности» (Тишкин 2007: 149).

«ПЛЕМЕНА» ТЮРКОВ

Можем ли мы рассматривать этническую идентичность на уровне племён в кочевых империях Внутренней Азии? Из-за ограниченности источников трудно дать однозначный ответ. Тем более что в крупных объединениях номадов племена были интегрированы в племенные союзы и общую военно-политическую иерархию, поэтому часто выступали как гетерогенные сообщества.

Неоднородность племенных структур показывает пример тюркских племён, сдавшихся в 630 г. империи Тан. Выбор был связан с обеспеченностью анализируемого сюжета письменными источниками и уникальностью рассматриваемого случая. Из танских документов известно, что практически каждое тюркское племя, сдавшееся в 630 г. Поднебесной, возглавлялось представителем Ашина. Более того, назывались эти «племена» по имени своего вождя. Так, среди капитулировавших племён названы тули, юйшэ, иньнай, которые находились под управлением малого кагана Тули, шада Юйшэ и тегина Иньная. «Со своим народом» капитулировал Ашина Суниши (Малявкин 1981: 76—77, коммент. 15). В управлениях дуду Динсян и дуду Юньчжун было расселено «племя [кагана] Сели (Эль-кагана)» численностью чуть более 7 тыс. чел. (Малявкин 1989: 16—17).

Можно предположить, что в Восточно-тюркском каганате в конце 620-х гг. произошла определённая перегруппировка тюркских племён. Это могло быть связано с присутствием в степи большого количества ханьцев и согдийцев, а также с необходимостью большего контроля за племенами тюрков и тюркоязычных объединений каганата. В результате возникли «племена» («народы»), которые основывались не на родстве, а на включённости в единую структуру наряду с частью тюркских родственных кланов, выходцев из других племён, служилых либо лично близких людей к главе «племени» из правящего клана Ашина (кагана, шада, малого кагана и др.). Косвенно об этом может свидетельствовать нахождение в составе большого «племени» Сели представителей таких племён, как хоба, шэли, сунун, чили (чилиэ), чжиши, биши (биси), нула, принадлежность которых к тюркам неочевидна. В других округах вместе с тюрками оказались карлуки и эфталиты (Малявкин 1989: 16—18).

Таким образом, можно предполагать, что ряд племён тюрков туцзюе в Восточно-тюркском каганате в конце 620-х гг., которыми непосредственно управляла титульная знать клана Ашина, представляли смешанные группы, состоявшие из родственных групп, приближённых вожда, служилых людей и слуг. Понятно, что такие «племена» тюрков не могли иметь этническую идентичность. Это свидетельство того, что в кочевых империях главенствующий племенной союз представлял собой политоним. В кочевых империях Внутренней Азии второй половины VI — середины VIII в. понятие «тюрки» означало группу «племён», а также приближённых к правителям лиц и представителей разных служебных страт, ассоциирующихся в тюркских каганатах с властью клана Ашина и тюркским владычеством. «Племена» тюрков были интегрированы в систему военно-политического управления и являлись её непосредственной частью.

МУЛЬТИЭТНИЧНОСТЬ В КОЧЕВЫХ ИМПЕРИЯХ ТЮРКОВ

Происхождение тюрков туцзюе является достаточно дискуссионной проблемой, не имеющей на данный момент однозначного решения. Довольно взвешенной выглядит концепция связей тюрков и хунну. Об этом говорят восточноазиатская монголоидность тюрков, лингвистическая реконструкция, согласно которой на рубеже I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. на территории между Ордосом и Саяно-Алтаем существовал «пратюркский язык», но, имея функциональную связь с «общественным образованием» (держава Хунну), он распался вместе с исчезновением хуннского имперского социума.

Весомым аргументом также является указание в письменных источниках на происхождение 500 семейств Ашина от хуннских родов царства Северная Лян (397—439) (Молодин и др. 2003: 164; Тишкин 2007: 187—193; Jeong et al. 2020: 897; Крадин 2021: 382—383 и др.). Однако антропологические и палеогенетические наблюдения связывают тюрков туцзюе с западно-монгольскими ираноязычными группами в составе империи Хунну, а также с более широким географическим ареалом расселения саков, усуней и других племенных объединений скифского времени и их потомками (по мужской линии с саглынской и уюкской АК). Важно отметить, что раннесредневековые популяции, имеющие генетическое сходство с «восточными скифскими группами», встречаются «почти исключительно среди носителей тюркских языков». В целом для тюркского периода характерна высокая гетерогенность и разнообразие популяций (Молодин и др. 2003: 164; Unterländer et al. 2017; Jeong et al. 2020: 898—899; и др.).

По археологическим материалам на данный момент можно считать наиболее обоснованной концепцию формирования тюркской общности в Горном Алтае (и, возможно, в соседних районах Алтайских гор) на раннем кызыл-ташском этапе (вторая половина V — первая половина VI в.) тюркской культуры. Во всяком случае, «имеющиеся в настоящее время источники позволяют рассматривать Горный Алтай как один из регионов формирования тюркского этноса» (Тишкин 2007: 194—195). Соглашаясь в целом с подходом А.А. Тишкина к нашедшей отражение в археологических материалах ранней истории тюрков, необходимо отметить, что население, которое пришло во второй половине V в. на территорию Алтая, претерпело целый ряд трансформаций:

- выше в статье было показано, что понятие «хунну» («сюнну») в китайских источниках включало разные группы племён, в том числе отличные от хунну по языкам, элементам культуры, расовому типу; аналогичное «собирательное» значение термин «хунну» имел и в первой половине I тыс. н.э.;
- хунну в конце I в. до н.э. — начале IV в. н.э. пережили господство сяньбийцев, участвовали в экспансии в Китай, в 304—439 гг. входили в состав хуннских и сяньбийских царств на севере Поднебесной;
- 500 семейств хунну (ираноязычного происхождения?) во главе с эпическим Ашина были задействованы в разных межэтнических связях, включая взаимодействие с согдийцами в Ганьсу и Гаочане.

Переселившиеся на территорию Алтая племена во главе с потомками Ашина вступили в контакты с «полиэтничным» «булан-кобинским» населением, которое являлось местным компонентом новой общности (Молодин и др. 2003: 164; Тишкин 2007: 195). Следует

подчеркнуть, учитывая многокомпонентность населения, «принявшего» название «тюрки», поиск форм обрядовой практики в доимперский период, речь должна идти не столько об этнической идентичности, сколько о формировании социума и его культуры (Серёгин, Васютин 2021: 158, 166—167, 172).

Эпоха каганатов отразила процесс усложнения общества и определённую унификацию культурных традиций. Это было связано с формированием первой евразийской кочевой империи — Первого тюркского каганата. В его территориальных рамках, особенно во Внутренней Азии, наблюдается распространение норм обрядовой практики тюрков Алтая в сопредельные регионы (Серёгин, Васютин 2021: 170). Стандартизация погребально-поминальных обрядов «размывала» этнокультурные традиции разных тюркоязычных племенных объединений. Для конца VI — первой половины VIII в. достаточно трудно отделить погребальные практики тюрков и племён теле (кроме элитных захоронений), несмотря на выявленные локально-региональные особенности. Только на периферии каганатов кочевые племена сохраняли собственные традиции (например, кыргызы и кидани). Это не означало, что в степи происходили процессы этнической унификации. Наоборот, в тюркских каганатах сформировалась мультиэтничность, которая была связана не только с включением в состав империи многочисленных кочевых объединений и оседлого населения, но и с определённой иерархией реальных и квази-этнических связей.

На нижнем уровне этническая идентичность существовала в линиджах и строилась исключительно на родственной основе. Этничность оседлого населения носила более универсальный характер, но при этом учитывалось, из какого города или местности происходила та или иная община. К примеру, среди согдийцев, проживавших на территории каганатов, были выходцы из Самарканда и Бухары.

Второй — третий уровни связаны с племенными и надплеменными элитами, для которых этническая идентичность служила дополнением к военной и политической интеграции в момент конфликтов с тюрками или столкновений с другими объединениями кочевников.

Четвёртый уровень представлял господствующий союз племён (у тюрков он сначала включал 10, затем 12 племён). В имперских каганатах термин «тюрк» выступал как политоним. Но тем не менее и в правящих племенных объединениях мы находим этническую идентичность как в низовых родственных структурах, так и в «политизированной» форме у племенных вождей.

Наконец, наивысший уровень олицетворяли правящие кланы. Для Ашина этничность носила конъюнктурный характер и зависела

от задач управления. Не являясь этнически гомогенными, Ашина могли позиционировать себя как политическую и этническую общность, чтобы господствовать над степными народами и регулировать полномочия отдельных членов кланов с учётом неустойчивости власти в кочевых империях. В случае внутренних конфликтов между представителями правящего клана на первый план выходила привязка каждого Ашина к стоявшим за ним «племен» или «племенам». В столкновениях с соседями, особенно с Поднебесной, военно-политическая мобилизация порождала эффект «этнополитической консолидации», который находил отклик у китайских хронистов в виде записи об участии в набегах 100 и более тысяч «тюрков».

ВЫВОДЫ

«Крупные этнические общности» кочевников — это результат конструирования древних и средневековых хронистов. Однако и в настоящий момент мы сталкиваемся с подобными научно обоснованными конструктами, включая утверждения о тождестве археологической культуры и этноса её носителей.

На примере империи Хунну было наглядно показано, что термин «хунну» — это не этноним, а политоним, поскольку состав населения данной державы был крайне неоднороден и отличался многоязычием и поликультурностью.

Крупные сообщества не имперского типа («пазырыкцы» и «тагарцы») включали представителей двух-трёх рас и племенные группы с разными культурами и языками, поэтому этнические связи сохранялись на уровне семей и линиджей, объединяющих несколько поколений родственников. Интеграция подобных социумов, которые вели хозяйственную жизнь рассредоточенно по горным долинам и степям, ограничивалась мобилизацией для решения военных задач и не способствовала созданию «единого этноса». Взаимодействие элит было направлено в основном на решение внешних задач.

Генезис тюркского общества указывает, что следует изучать не только этнические трансформации, но и акцентировать внимание на социальных и культурных связях. В первой евразийской империи тюрков сформировалась иерархическая мультиэтничность, являющаяся отражением сложности общественных структур. Подобная мультиэтничность включала как реальные родственные связи в низовом сегменте, так и квазиэтничность и конъюнктурные этнические идентичности в элитной среде. Все они выступали как «вторичные» по сравнению с военно-политической интеграцией.

ЛИТЕРАТУРА

- Каменецкий И.С. 1970. Археологическая культура: её определение и интерпретация. *Советская археология*, № 2, 18—36.
- Крадин Н.Н. 2009. Археологические культуры и этнические общности. *Теория и практика археологических исследований*, вып. 5. Барнаул: Азбука, 9—19.
- Крадин Н.Н. 2020. *Империя Хунну*. 4-е изд. СПб.: Изд-во Олега Абышко.
- Крадин Н.Н. 2021. Археологические культуры и конструирование этничности. *Антропология и этнология: современный взгляд*. Отв. ред. А.В. Головинёв, Э.-Б.М. Гучинова. М.: Политическая энциклопедия, 374—387.
- Крадин Н.Н. 2022. Введение. Хуннская археология между 100-летним и 125-летним юбилеями. *Мультидисциплинарные исследования в археологии* 5 (2), 3—11.
- Крадин Н.Н. 2024. Северный город Хуннской державы. *Археологические вести*, № 43, 35—45.
- Малявкин А.Г. 1981. *Историческая география Центральной Азии (материалы и исследования)*. Новосибирск: Наука.
- Малявкин А.Г. 1989. *Танские хроники о государствах Центральной Азии: тексты и исследования*. Новосибирск: Наука. Новосибирское отделение.
- Миллер Б. 2019. Империя Хунну. *Кочевые империи Евразии: особенности исторической динамики*. Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. М.: Наука — Восточная литература, 75—92.
- Молодин В.И., Воевода М.И., Чикишева Т.А., Ромащенко А.Г. и др. 2003. *Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики)*. Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во СО РАН.
- Петрухин В.Я., Раевский Д.С. 2004. *Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье*. М.: Знак.
- Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Поздняков Д.В. 2020. Пазырыкцы: культура в лицах. *Наука из первых рук*, № 5—6 (90), 110—127.
- Серёгин Н.Н., Васютин С.А. 2021. *Раннетюркские археологические комплексы Центрального и Восточного Алтая (по материалам исследований А.С. Васютина)*. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та.
- Тишкин А.А. 2007. *Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая*. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та.
- Тур С.С., Рыкун М.П. 2004. Краниологические материалы пазырыкской культуры из могильников в урочище Кызыл-Джар. *Древности Алтая*, № 12. Отв. ред. В.И. Соёнов. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 32—49.
- Черданцев С.В., Трапезов Р.О., Пристяжнюк М.С., Томилин М.А. и др. 2021. Генетический состав носителей тагарской культуры: современное состояние и перспективы исследований. *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Т. XXVII. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 723—729.
- Шнирельман В.А. 2013. Этничность в археологии — реальность или фантом? *Этничность в археологии или археология этничности?* Материалы круглого стола. Отв. ред. В.С. Мосин, Л.Т. Яблонский. Челябинск: ЦИКР Рифей, 50—81.

- Яблонский Л.Т. 2013. Проблемы концепции этногенеза на современном этапе развития гуманитарных знаний. *Этничность в археологии или археология этничности?* Материалы круглого стола. Отв. ред. В.С. Мосин, Л.Т. Яблонский. Челябинск: ЦИКР Рифей, 34—49.
- Brather S. 2000. Ethnische Identitäten als Konstrukte der frühgeschichtlichen Archäologie. *Germania*, Bd. 78. Frankfurt am Main, 139—177.
- Härke H. 1998. Archaeologists and Migrations: A Problem of Attitude? *Current Anthropology*, vol. 39, no. 1, 19—24.
- Jeong Choongwon, Wang Ke, Wilkin S., Taylor W.T.T. et al. 2020. A Dynamic 6,000-Year Genetic History of Eurasia's Eastern Steppe. *Cell*, no. 183, November 12, 890—904.
- Unterländer M., Palstra F., Lazaridis I., Pilipenko A. et al. 2017. Ancestry and Demography and Descendants of Iron Age Nomads of the Eurasian Steppe. *Nature Communications*, no. 8 (1), 14615.

**PROBLEMS OF “ETHNICITY” OF THE BEARERS
OF NOMADIC ARCHAEOLOGICAL CULTURES
IN INNER ASIA IN THE EARLY IRON
AND EARLY MIDDLE AGES**

S.A. Vasyutin

The article aims to determine the applicability of the concepts of “ethnic group” and “ethnicity” to the archaeological cultures of nomads of Inner Asia during the Early Iron Age and early Middle Ages, to identify the ethnic composition of nomadic societies based on the generalization of archaeological, physical anthropological and paleogenetic data, as well as written sources. The paper examines the Pazyryk and Tagar archaeological cultures as examples, as well as archaeological materials from the Xiongnu Empire and the Turkic Khaganates. The author shares a critical approach to the concept of the identity of archaeological culture and “ethnic group” that prevailed in archaeological science in the 19th to mid-20th century. An analysis of the literature on this issue revealed alternative opinions of researchers who convincingly demonstrated the multiethnicity and use of different languages in nomadic societies of the 8th century BC — early 2nd millennium AD. The case of the Xiongnu Empire, studied in detail by N.N. Kradin, is especially exemplary. Summarizing the results of archaeology and paleogenetic studies, he was able to show the complex and dynamic nature of the ethnic composition of the Xiongnu state. In the article, this approach was applied to a number of imperial and regional nomadic archaeological cultures. This made it possible to show that, for example, among the “Pazyryk people” the closeness of material culture and ritual traditions did not mean a single ethnicity. The population of the Pazyryk archaeological culture did not only consist of ethnic groups of different origins, but also included Europeans, Mongoloids and mestizos. The Turkic Khaganates provided illustrative examples of construction in ethnic terms. The word “Turk” became a politonym, since the Turkic states included dozens

of tribal and supra-tribal formations of nomads and sedentary residents, politically mobilized by the Turks for the creation and existence of the empire. The dynamic history of the Khaganates led to a change in the configuration of the imperial union, a mutation in the ethnic identity Turkic elites and various unions subordinated to them.

Keywords: Inner Asia, early Iron Age, early Middle Ages, nomads, archaeological culture, ethnicity.

REFERENCES

- Kamenetskiy I.S. 1970. Arkheologicheskaya kul'tura: ee opredelenie i interpretatsiya [Archaeological Culture: Its Definition and Interpretation]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], no. 2, 18–36.
- Kradin N.N. 2009. Arkheologicheskie kul'tury i etnicheskie obshchnosti [Archaeological Cultures and Ethnic Communities]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [Theory and Practice of Archaeological Research], iss. 5. Barnaul: Azbuka, 9–19.
- Kradin N.N. 2020. *Imperiya Khunnu* [Xiongnu Empire]. Saint Petersburg: Izd-vo Olega Abyshko.
- Kradin N.N. 2021. Arkheologicheskie kul'tury i konstruirovaniye etnichnosti [Archaeological Cultures and the Construction of Ethnicity]. *Antropologiya i etnologiya: sovremennyy vzglyad* [Anthropology and Ethnology: A Modern View]. Ed. by A.V. Golovnev, E.-B.M. Guchinova. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 374–387.
- Kradin N.N. 2022. Vvedenie. Khunnskaya arkheologiya mezdu 100-letnim i 125-letnim yubileyami [Introduction. The Archaeology of Xiongnu between 100-year and 125-year Anniversaries]. *Muльтидисциплинарные исследования в археологии* 5 (2), 3–11.
- Kradin N.N. 2024. Severnyy gorod Khunnskoy derzhavy [The Northern City of the Xiongnu Empire]. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological News], no. 43, 35–45.
- Malyavkin A.G. 1981. *Istoricheskaya geografiya Tsentral'noy Azii (materialy i issledovaniya)* [Historical Geography of Central Asia (Materials and Research)]. Novosibirsk: Nauka.
- Malyavkin A.G. 1989. *Tanskie khroniki o gosudarstvakh Tsentral'noy Azii: teksty i issledovaniya* [Tang Chronicles on the States of Central Asia: Texts and Studies]. Novosibirsk: Nauka. Novosibirskoe otdelenie.
- Miller B. 2019. Imperiya Khunnu [Xiongnu Empire]. *Kochevye imperii Evrazii: osobennosti istoricheskoy dinamiki* [Nomadic Empires of Eurasia: Features of Historical Dynamics]. Ed. by B.V. Bazarov, N.N. Kradin. Moscow: Nauka – Vostochnaya literatura, 75–92.
- Molodin V.I., Voevoda M.I., Chikisheva T.A., Romashchenko A.G. et al. 2003. *Naselenie Gornogo Altaya v epokhu rannego zeleznogo veka kak etnokul'turnyy fenomen: proiskhozhdenie, genesis, istoricheskie sud'by (po dannym arkheologii, antropologii, genetiki)* [The Gorny Altai Population in the Early Iron Age as an Ethnocultural Phenomenon: Origin, Genesis, and Historical Destiny (Archaeological,

- Anthropological and Genetic Perspectives)]. Ed. by V.I. Molodin. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN.
- Petrukhin V.Ya., Raevskiy D.S. 2004. *Ocherki istorii narodov Rossii v drevnosti i ran-nem sregnevekov'e* [Essays on the History of the Peoples of Russia in Antiquity and the Early Middle Ages]. Moscow: Znak.
- Polos'mak N.V., Chikisheva T.A., Pozdnyakov D.V. 2020. Pazyryktsy: kul'tura v litsakh [Pazyryk People: Culture in Faces]. *Nauka iz pervykh ruk* [Science First Hand], no. 5—6 (90), 110—127.
- Seregin N.N., Vasyutin S.A. 2021. *Rannetyurkskie arkheologicheskie komplekсы Tsentral'nogo u Vostochnogo Altaya (po materialam issledovaniy A.S. Vasyutina)* [Early Turkic Archaeological Complexes of Central and Eastern Altai (based on Research by A.S. Vasyutin)]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta.
- Tishkin A.A. 2007. *Sozdanie periodizatsionnykh i kul'turno-khronologicheskikh skhem: istoricheskiy opyt i sovremennaya kontseptsiya izucheniya drevnikh i srednevekovykh narodov Altaya* [Making of Periodizational and Cultural and Chronological Schemes: Historical Experience and Modern Conception of Study of Ancient and Medieval Nations of Altay]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta.
- Tur S.S., Rykun M.P. 2004. Kraniologicheskie materialy pazyrykskoy kul'tury iz mogil'nikov v urochische Kyzyl-Dzhar [Craniological Materials of the Pazyryk Culture from Burials in the Kyzyl-Dzhar Tract]. *Drevnosti Altaya* [Antiquities of Altai], no. 12. Ed. by V.I. Soenov. Gorno-Altaysk: Izd-vo GAGU, 32—49.
- Cherdantsev S.V., Trapezov R.O., Pristyazhnyuk M.S., Tomilin M.A. et al. 2021. Geneticheskiy sostav nositeley tagarskoy kul'tury: sovremennoe sostoyanie i perspektivy issledovaniy [Genetic Composition of the Tagar Culture Bearers: Current State and Prospects of Research]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories], vol. XXVII. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 723—729.
- Shnirel'man V.A. 2013. Etnichnost' v arkheologii — real'nost' ili fantom? [Ethnicity in Archaeology — Reality or Phantom?]. *Etnichnost' v arkheologii ili arkheologiya etnichnosti?* Materialy kruglogo stola [Ethnicity in Archaeology or the Archaeology of Ethnicity? Proceedings of the Round Table]. Ed. by V.S. Mosin, L.T. Yablonskiy. Chelyabinsk: TsIKR Rifey, 50—81.
- Yablonskiy L.T. 2013. Problemy kontseptsii etnogeneza na sovremennom etape rasvitiya gumanitarnykh znaniy [Problems of the Ethnogenesis Concept at the Present Stage of the Development of Humanities]. *Etnichnost' v arkheologii ili arkheologiya etnichnosti?* Materialy kruglogo stola [Ethnicity in Archaeology or the Archaeology of Ethnicity? Proceedings of the Round Table]. Ed. by V.S. Mosin, L.T. Yablonskiy. Chelyabinsk: TsIKR Rifey, 34—49.
- Brather S. 2000. Etnische Identitäten als Konstrukte der frühgeschichtlichen Archäologie. *Germania*, bd. 78. Frankfurt am Main, 139—177.
- Härke H. 1998. Archaeologists and Migrations: A Problem of Attitude? *Current Anthropology*, vol. 39, no. 1, 19—24.
- Jeong Choongwon, Wang Ke, Wilkin S., Taylor W.T.T. et al. 2020. A Dynamic 6,000-Year Genetic History of Eurasia's Eastern Steppe. *Cell*, no. 183, November 12, 890—904.
- Unterländer M., Palstra F., Lazaridis I., Pilipenko A. et al. 2017. Ancestry and Demography and Descendants of Iron Age Nomads of the Eurasian Steppe. *Nature Communications*, no. 8 (1), 14615.